

5-го Июля
1914 г.

РУССКІЯ ДВАНІДЪ
ГАЗЕТА ВОЕННАЯ

Суббота

№ 145.

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ.

Въ статьѣ П. Перцова, напечатанной въ «Нов. Вр.» хочется отмѣтить нѣсколько очень удачно выраженныхъ мыслей о творествѣ Чехова. Авторъ спрашиваетъ, напри-

мѣръ, «были-ли бы Чеховъ тѣмъ крупнымъ художникомъ, котораго мы всѣ въ немъ чтимъ, если бы онъ изображалъ не это „неподвижное дно“ русской обманчиво-переменчивой рѣки, если бы онъ не коснулся самыхъ основъ страны? Мнѣ кажется, именно эта черта отдѣляетъ его отъ ближайшихъ, столь многочисленныхъ и столь быстро смѣняющихся другъ друга въ „забодневной“ роли его преемниковъ. Эти всѣ какъ то „периферійны“ сравнительно съ нимъ, и не только въ смыслѣ субъективности таланта, но и въ отношеніи его направленія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ограничена социальная сфера Максима Горькаго, не говоря о повѣдѣйшихъ! Босаки, интеллигенты, рабочіе—ж репертуаръ исчерпанъ. Даже интеллигенты исключительно „радикальнаго“ оттѣнка (поскольку они не карикатурны) Леонидъ Андреевъ, Арцыбашевъ и прочіе—тѣ, даже до рабочей среды дотронуться уже не могутъ, даже босаки для нихъ уже „запредѣльный“ типъ. Все еще Россія, вся и всяческая Россія остается въ литературномъ своемъ изображеніи только такою, какой оставилъ намъ ее Чеховъ. Мы не имѣемъ ея общихъ, объективныхъ картинъ (сколько нибудь заполнившихъ художественно) болѣе поздняго происхожденія. И не служить ли это еще лишнимъ доказательствомъ, что мы живемъ все еще въ той же самой, чеховской Россіи?»

Авторъ, подчеркивая второстепенное значеніе Чехова, какъ драматурга, говоритъ:

„Мнѣ кажется, со временемъ—и это будетъ уже скоро—изъ творчества Чехова отпадетъ и „придетъ въ забвеніе“ именно та часть, которую болѣе всего цѣнили современники и которая доставляла писателю при жизни наибольшій успѣхъ. Это—последняя, наиболѣе „скучная“ полоса, и главнымъ образомъ его пьесы. Онѣ дали своему автору тотъ шумный успѣхъ, какой могутъ дать только подмостки сцены. Но посмотрите, какъ онѣ уже устарѣли... И не только слабый „Вишневый садъ“ (Чеховъ совсѣмъ не зналъ дворянско-помѣщичьей среды, которую въ немъ изображалъ, изображивъ все тѣхъ же своихъ интеллигентовъ), но и трилогіи „Чайка“, „Дяди Ваня“ и „Сестры“. Всѣ онѣ кажутся теперь точно одной пьесой въ близкихъ вариантахъ—все той же трагедіей безытнотной интеллигентщины. Хотя дѣйствіе почти всюду происходитъ въ деревнѣ, но въ дѣйствительности это—городскія пьесы, и самая „оука“ ихъ какая-то слишкомъ переулочаная. Теперь это стало скучно уже почти безъ привычекъ и десятилѣтняя проба дала здѣсь себя знать...

Совсѣмъ другое—ранняя, объективная полоса чеховскаго творчества. Его первые сборники положительно неузнаваемы. Шедевры—„Въ сумеркахъ“, „Хмурые люди“ и даже „Пестрые рассказы“ (въ

перомъ каданіи—впослѣдствіи Чеховъ сильно испортилъ ихъ передѣлками) „пройдутъ вѣкомъ заветливую даль“. И „въ вѣкахъ“ именно по нимъ будутъ судить о Россіи чеховскаго времени, то есть о нашей Россіи. Временно отодвинутые на второй планъ, они вѣй-временной силой художественной цѣнности неизбежно выступятъ снова на первый. Ибо „объективное“ въ Чеховѣ преобладало все таки надъ „субъективнымъ“. И въ слѣдующій чеховскій юбилей будутъ говорить болѣе всего объ этихъ его „живыхъ фотографіяхъ“ русской жизни и души“.

— Чеховъ—талантливый художникъ, постоянно изображавшій въ своихъ твореніяхъ пошлость обывательской жизни; не набѣгъ ея даже послѣ смерти. Въ одной изъ статей «Гол. Руси» вспоминается вереница фактовъ:

„Мысль упрямо бѣжитъ къ печальному прошлому, кающемуся такимъ недавнимъ,—когда прибыли въ Россію бранные останки Чехова,—и невольно вызываетъ въ памяти докучливый рой пошлыхъ картинъ, которыми сопровождался его похороны...

Вотъ, этотъ траурный вагонъ, въ которомъ покоится прахъ писателя и на дверяхъ котораго желѣзнодорожное начальство забыло стереть надпись: „свѣжія устрицы“.

На вокзалѣ какой-то неизвестный юноша, по собственному почину взявшій на себя роль распорядителя, оретъ во всю глотку, заглушая звуки похоронныхъ пѣснопѣй и указывая пальцемъ на вѣны:

— Эй, ребята-работчіе. Ежели который не сибѣй, вази его въ кучу, безъ церемоній.

На могилѣ кто то истерическимъ голосомъ пицить пошленькое стихотвореніице, а затѣмъ, говорить... говорить... всевозможные ораторы. Говорятъ даже тѣ, которымъ слѣдовало бы „совсѣмъ молчать“...

Этотъ, такъ сказать, сверхпрограммный нумеръ составляетъ уже прямое нарушеніе воли покойнаго писателя, который усердно и неоднократно просилъ при жизни, чтобы на его могилѣ не производилось никакихъ рѣчей“.

— Въ замѣткѣ «Послѣ Чехова» Ал. Ксѣнина, напечатанной въ «Веч. Вр.» подчеркивается мысль, что

„На Чеховѣ порвалась та лента русскихъ писателей, которую начали Пушкинъ и Гоголь и продолжали Тургеневъ, Достоевскій и Толстой.“

Умерла наша чистая литература, и съ нею и системою ворталась ея все порнографія и политика...

Вмѣсто „могучаго и великаго“ языка, который признавалъ любить Тургеневъ, и теплоты и мягкости, которыми согрѣвалъ Чеховъ, вмѣсто психологической глубины Достоевскаго и гигантскихъ образовъ Толстого, послышались истерическіе выкрики, появились пошлости и рассказы, написанные на какомъ то пошломъ, размашистомъ, небрежномъ перомъ, забрасывавшимъ чернильными брызгами все то, во что прежде вѣрили и признавали вѣрить.

Примирившаго съ жизнью Чехова смѣнили босаки Горькаго, порнографисты Арцыбашева, эпилеттики Андреева, и вмѣсто „Пестрыхъ рассказовъ“, еще не оцѣненныхъ, но уже создавшихъ свою полосу въ литературѣ, читателями преподносились „Бездны“, предлагалось смаковать, какъ насладиться полумертвыхъ женщинъ и какъ гимназисты распариваютъ животы проституткамъ.

Все это было такъ далеко отъ Чехова...

Чужое, пошлое, оскверняющее, совсѣмъ не подходящее и ненужное русской литературѣ, осужденное ушедшими писателями и созданное послѣ нихъ въ расчетъ на скандалъ, на временный успѣхъ, на распространеніе лишней тысячи сборниковъ.

Нѣжный, тонкій, застѣнчивый и скромный Чеховъ, казалось, былъ на время забытъ. Его заслонило что-то нагло кричащее. За нимъ прошла улица, которой онъ всегда боялся.

На мѣстѣ вырубленнаго „Вишневаго сада“ построили трактиръ и стали торговать литературой „распавочно и на выносъ“.

Десять лѣтъ прошло со дня смерти Чехова, а какъ мало и рѣдко за эти длинныя годы насъ, читателей, порадовали тѣ, кто заступили Чеховское мѣсто. Да и не заступили пока вовсе.

Оборвалась связь съ прежнимъ, оборвалась на Чеховѣ...

Но злые годы не вечны и они пройдутъ и снова вернемся мы къ Чехову, опять его станутъ перечитывать, лучше поймутъ и болѣе оцѣнятъ.

А тамъ, смотришь, и великій народъ пошлетъ помыслы „настоящихъ“, которые поймутъ его и снова, какъ Гоголь и Чеховъ, „смызвъ незримыя слезы“ посмѣются съ нимъ и сквозь смѣхъ поплачутъ о немъ...

Эта едва-ли не самая сильная и красивая замѣтка о Чеховѣ.